

Кочевые и оседлые империи на Шелковом пути: модели взаимодействия

Д. П. Шульга¹, К. А. Хаснулина²

¹ Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье сравниваются, с одной стороны, взаимоотношения империи Хань с державой *сюнну* на раннем этапе бытования Великого шёлкового пути, а с другой – контакты Византии с государством монголов в период последнего взлёта активности на этой торговой артерии. С целью понимания, насколько с течением времени менялся характер восприятия земледельцами скотоводов на уровне империй, авторы сознательно рассматривают столь хронологически отстоящие друг от друга примеры. Династия Хань взошла на престол почти одновременно с началом хуннского великодержавия, и, став вскоре существенно мощнее экономически и густонаселённое, в военном плане далеко не всегда оказывалась на высоте. Однако имеющиеся преимущества позволили Китаю на длинной временной дистанции одержать верх, «умиротворив» *сюнну* (о конкретных приёмах и пойдет речь в статье). Восточная Римская империя на момент столкновения с монголами уже существовала чуть менее тысячи лет, пережила ряд взлётов и падений. Константинопольские власти не могли сравниться с державой Чингизидов ни по числу войск, ни по территории, ни по числу облагаемых данью подданных. Тем не менее, в отличие от целого ряда государств Азии, Византия пережила не только нашествие монголов, но и их присутствие на Ближнем Востоке. О механизмах того, как это стало возможно, и какую роль здесь играла трансазиатская торговля, подробно будет рассказано в предлагаемой работе.

Ключевые слова

Византия, *сюнну*, Хань, Великий шелковый путь, кочевники, монголы

Для цитирования

Шульга Д. П., Хаснулина К. А. Кочевые и оседлые империи на Шелковом пути: модели взаимодействия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 51–58. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-51-58

Nomadic and Settled Empires on the Silk Road: Interaction Patterns

D. P. Shulga¹, K. A. Hasnulina²

¹ Siberian Institute of Management – A Branch of RANEP
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article provides a comparison between mutual relations of the Han empire and the Xiongnu during the early stages of the Silk Road, and the Byzantium connections with the Mongol Empire during the last surge of activity on this trading artery. In order to understand how sedentary societies' perception patterns of nomadic cattle herders changed over time (at the empire level), the authors have intentionally considered such a wide chronological timeframe. The

Han dynasty ascended the throne almost at the same time as the beginning of Xiongnu rule, and despite the fact that they became significantly more powerful in economic terms and more densely populated, this did not extend to their military. The advantages however allowed China to gain the upper hand over a long time period, “appeasing” the Xiongnu (specific techniques are explained in the article). The Eastern Roman Empire at the time of the collision with the Mongols had already existed for a little less than a thousand years and had experienced a series of both victories and downfalls. Constantinople authorities could not compare with the power of Chingissids in terms of the number of troops, the size of territory and number of taxable subjects. However, unlike a number of Asian states, Byzantium survived not only the invasion of the Mongols, but also their presence in the Middle East in general. This paper gives an in-depth look at the mechanisms of how this became possible and the contributing role that was played by trans-Asian trade.

Keywords

Xinjiang, China, Mohuchahan, Chawuhu, early-scythian age

For citation

Shulga D. P., Hasnulina K. A. Nomadic and Settled Empires on the Silk Road: Interaction Patterns. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 51–58. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-51-58

Перед началом изложения хотелось бы сделать несколько терминологических замечаний. Во-первых, ввиду текучести кочевых образований, а также того, что их наименования до нас чаще доходят не от самих кочевников, а от их оседлых соседей, мы говорим об общностях скотоводов, а не об этносах. Во-вторых, авторы стараются избегать наименования «Византия» (используя его лишь для недопущения тавтологий) в связи с тем, что основными причинами «переименования» (разумеется, среди позднейших историков) Восточной Римской империи в Византию нередко называют перенос столицы, изменение господствующего языка с латыни на греческий, утрата города Рим из сферы влияния. Стоит отметить, что подобные процессы не особенно уникальны, ведь параллели им мы видим, например, в период Хань. Точно так же, как и в Средиземноморье, империя Хань пережила перенос столицы (из Сианя в Лоян). Именно это событие стало водоразделом между Западной и Восточной Хань (в отличие от Рима, империи не сосуществовали, а сменяли друг друга). Административный центр сместился в Китае неспроста – часть территорий на северо-западе была потеряна. Примечательно, что данные изменения не повлекли за собой возникновение какой-то дихотомии, вроде «Восточная Римская империя» – «Византия».

В настоящей статье мы введём в дискуссию о взаимодействии кочевников и земледельцев новые для русскоязычной науки данные об исторически связанных (в том числе по Шёлковому пути) державах – Китае и Восточной Римской империи, которые имели весьма своеобразные отношения с кочевыми общностями. Стоит отметить, что оба указанных государства (авторы считают Восточную Римскую империю прямым продолжением античной Римской державы) имели сношения между собой еще с начала новой эры [Ян Гунлэ, 2011. С. 70–72; Комиссаров и др., 1997. С. 26–27], и с течением времени контакты только усиливались, что подтверждают нумизматические материалы [Го Юньян, 2015].

Китайские царства еще в I тыс. до н.э. столкнулись с кочевниками, однако до подъема сюнну (хунну) в III в. до н. э. набеги с севера не угрожали существованию государств Поднебесной, нанося им лишь временный урон [Тан Цзинцзе, Хань Кансинь, 2007. С. 65]. Квинтэссенцией концепции отношений Поднебесной с «варварами» можно считать высказывание из приписываемого деятелю III в. н. э. Чжугэ Ляну трактата «Вертоград полководца», который был несколько лет назад переведён одним из авторов настоящей статьи. Сам отрывок называется «Северные ди», где ди – собирательное наименование для кочевников Северного Китая (как и термин ху, который будет приведен ниже). «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно. Империя Хань не боро-

лась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживлёнными и смелыми. Утомлённый не может соперничать с бодрым, робкий не в состоянии сравниться с отважным. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты Хань были выносливы, могли проходить сотню ли в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения были различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т.д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась в основном на пехоту, а северные народы – на конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий. Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника» [Шульга, Мерзликин, 2016. С. 140–144].

Можно сказать, что в упомянутом выше фрагменте Чжугэ Лян (если признавать его авторство) констатировал действенность подхода, выдвинутого жившим за 400 лет до него мыслителем и поэтом Цзя И. Основные его труды до сих пор полностью не изданы на русском языке, но в настоящей публикации мы приведем авторский перевод некоторых положений из «Синьшу» (新书). Выдержки из данного памятника актуальны потому, что в разделе о *сюнну* (хунну) ханьский философ изложил и раскрыл основу идеи об «установлении трех проявлений благоволения и пяти приманок, с помощью которых можно бороться с *шаньюем* за его народ». Первое проявление благоволения – это «вызвать доверие к Сыну Неба»: «услышав единое слово государя, пусть они будут такими же далекими, [как *сюнну*], их воля не будет [омрачена] сомнениями, пусть они даже враждебны нам, в их сердца не закрадется недоверие. Сначала необходимо сформировать образ мудрого правителя, который верен своему слову. Второе проявление благоволения – это «довести до сведения *сюнну*, что император их любит, нужно продемонстрировать отношение сочувствия и любви к предавшимся [под руку ханьского государя]; если позволить им [*сюнну*] считать, что они любимы Сыном Неба, то они [потянутся к нему], как малое дитя к любящей матери». Третье проявление благоволения выражалось в следующем: «сообщить о том, что нравится правителю, необходимо продемонстрировать предавшимся, что их таланты оценены по достоинству, нужно признавать умения хороших людей и человечность». Если император самолично добьётся «истинной любви и согласится быть терпеливым, то обязательно достигнет ожидаемой цели» [Цзя И, 1976. С. 70–73].

Поговорим о «пяти приманках». Первая «приманка» в дословном переводе звучит как «развернуть их глаза», суть её в том, чтоб приучить кочевников к роскоши. «Прибывшие к нам *сюнну* от глав кланов и выше пусть непременно будут одеты в расшитые шелковые одежды, а их жены и дети – в узорные парчовые платья. Пусть представят им пять серебряных колесниц, разукрашенных резными узорами, запряженных каждая четверкой лошадей, с зелеными тентами. Пусть придадут им эскорт из нескольких всадников и каждому, кроме кучера, еще и дадут сопровождающего, [сидящего на колеснице справа]. Даже *шаньюй* при выездах и возвращениях [в ставку] не пренебрег бы этим». Второй «приманкой» Цзя И призывал «развернуть уста» номадов: «если среди *сюнну*, которых [Ваше Величество] побудили приехать, будет много предавшихся нам, то при большом скоплении народа Верховный [правитель] непременно призовет кого-то из них и пожалует еду, еда будет состоять из прекрасных блюд, где будет все, что пожелаешь». «Третья приманка» была направлена «на слух»: «что до предавшихся нам выдающихся мужей, то Верховный [правитель] непременно

пусть пошлет пригласить кого-нибудь из них в качестве гостей. Пусть получают приглашение и их знакомые. Тем варварам-ху, которые пожелают посмотреть [на прием], этого отнюдь не запрещать. Четвертая приманка – это «развратить их желудки», Цзя И ратовал за то, что всякому предавшемуся императором должен быть оказан прием и милость. К тому же ханьскому государю обязательно следует быть с некоторыми из них щедрым, сделать так, чтобы у них была высокая зала и отдельный флигель, превосходная кухня с большими кладовыми и конюшня с отборными лошадьми, боевая колесница в личном хранении. Рабы и рабыни, множество детишек, домашний скот – [всего должно быть] в достатке. И пусть они живут роскошной жизнью, которая превосходит по уровню и торжественности ту, что [они имели] прежде у *сюнну*. Пятой приманкой является «развратить их сердца», по отношению к тем, кто пришел предаться ханьцам, Цзя И предлагал: «Верховному [правителю Китая] непременно следует кого-нибудь милостиво удостоить приема, одарить родительской лаской, а затем позволить определиться на службу». Приведем более подробное изложение. «Верховный [император] милостиво соизволит принять у себя с несколько десятков человек, делает так, чтобы и на официальных приемах, и в часы досуга они сопровождали его при выездах и посменно прислуживали во внутренних покоях. Когда же Верховный [император] потчует варваров-ху, когда [учреждает] Великие ристалища и приглашает на них послов варваров-ху, силачи и воины, как всегда, будут прислуживать близ [императора] по одну сторону, а мальчикам-варварам будет дозволено приблизиться и прислуживать по другую. Знатные варвары-ху будут поочередно выступать вперед и предлагать [гостям] вино. Верховный [правитель] милостиво изволит лично распорядиться, чтобы подливали вино в чаши послов, обхаживали их. Когда Верховный [правитель] уходит на отдых, [парадное] платье расписного шелка, [украшенный драгоценными раковинами] большой пояс и другие оставшиеся предметы одежды подносятся им в качестве даров. Верховный [правитель] милостиво изволит принимать мальчиков-варваров, похлопывает их, играет с ними в кольцо. А когда подают жареное мясо, милостиво изволит кормить их. [Верховный император] снимает с себя великолепные одежды и лично одаривает их. [Когда] Верховный [правитель Китая] встает, мальчики-варвары [находятся] кто сзади, кто спереди него. Знатным варварам будет дозволено подносить вино; и они будут в платье с казенной печатью на шнурке. Знатные варвары будут стоять перед [Верховным правителем]! Пусть только некоторые люди достигают подобного, а [Верховный правитель] устанавливает им такое положение [для предавшихся ему *сюнну*]. В целом государстве, кто увидит и услышит [это], широко раскроют глаза от изумления, возжелают [того же]. Люди засуетятся, забеспокоятся только о том, как бы не опоздать с прибытием к нам» [Янь Шэньго, 2004. С. 149–153].

Цзя И верил, что его политика, опиравшаяся на признание невозможности военной победы над «варварами» с одной стороны, а с другой – на понимание экономического превосходства империи над *сюнну*, даст плоды совсем скоро, и развалит державу *хунну* за десятилетие. Это оказалось не совсем так. Тем не менее, искусно приманивая представителей кочевой знати, а временами и нанося удары, ханьцы чуть более чем за сотню лет смогли покорить значительную часть *сюнну*, о чем свидетельствуют как письменные, так и археологические данные [Гань Чжэньюй, 2015; Цзян Лу, 2011]. Кочевые народы на границах Китая с течением времени менялись, подчас захватывая отдельные территории на севере страны. Часто «яблоком раздора» становился контроль за Шёлковым путём. Но тут срабатывал скрытый механизм – торговля, приносившая большие барыши, действовала на вчерашних скотоводов примерно так же «разлагающе», как и придворная роскошь в приведенном выше отрывке. Это дополнялось и демографическим перевесом в пользу китайского населения [Ян Гуаньхуа, 2016]. Таким образом, заложенная Цзя И политика по «умиротворению варваров» в сочетании с выверенными действиями дипломатов и генералов (о которых писал автор «Вертограда полководца») придавала Поднебесной такую устойчивость, что только монголам удалось полностью поглотить Китай от Гоби до границ Вьетнама, да и то менее чем на столетие.

С монголами пришлось столкнуться и Восточной Римской империи. Православная держава была важным контрагентом на уже упомянутом Великом Шёлковом пути, о чем свиде-

тельствуют, в том числе, находки солидов Юстиниана, Анастасия I и других императоров вплоть до восточного Китая [Cheng Linqun, Zhang Xiangyu, 2008. С. 25–30]. Она же была источником несторианского христианства [Vrhovski, 2013], активно распространявшегося по торговым маршрутам¹, и получившего определённую популярность у кочевников Северного Китая, включая ряд собственно монгольских племён².

Ромеи и до монголов имели дело с кочевниками, например, тюрками-ашина, причём отношения эти были и военными, и дипломатическими и торговыми, о чём свидетельствуют находки монет в элитных погребениях Центральной Азии [Го Юньян, 2016]. При этом, конечно, положение Малой Азии было менее уязвимо для степняков в сравнении с Поднебесной. Отношения с арабами мы оставим за скобками настоящего исследования, так как при наличии у последних сильного скотоводческого элемента их культура и быт сильно отличались от таковых у кочевников степного пояса Евразии.

К моменту прибытия монгольских войск на Ближний Восток Восточной Римской империи как единого целого не существовало, ибо Никейская империя в 1250-х гг. еще только копила силы для ответного удара по крестоносцам. Конечно, в военном отношении ромеи не могли тягаться с ордами Хулагу. И всё же, как мы знаем, Константинополь (с 1261 г.) успешно сохранил независимость от чингизидов (в отличие от Китая, Ирана, Средней Азии, Ближнего Востока, Поволжья и других регионов). Тому, думается, было несколько причин. Во-первых, несмотря на катастрофу 1204 г. за полвека, благодаря, в том числе, политике Иоанна Ватаца, ромеи сумели отодвинуть от своих рубежей как «франков», так и мусульман, которые, к тому же, испытывали давление с востока. Во-вторых, хотя роль империи в международной торговле и падала постепенно под давлением Генуи и Венеции, географическое положение столицы всё еще позволяло православной державе серьёзно влиять на поток товаров, в том числе между Чёрным морем, северные берега которого контролировала Золотая Орда, и морем Средиземным. В-третьих, вековые традиции дипломатии позволяли императору Михаилу VIII играть на противоречиях мамлюков Египта и государства Хулагуидов, к которым еще добавлялись столкновения ильханов с Улусом Джучи. До 1264 г. это вполне удавалось, и хотя султан Бейбарс вследствие принятия Константинополем монгольского посла расторг договор о союзе, для императора это не стало геополитической трагедией. Напротив, Михаил делает окончательный выбор в пользу Хулагуидов, выдав в следующем году свою побочную дочь за наследника Хулагу [Баярсайхан, 2013. С. 35–38], при дворе которого традиционно сильны были несторианские настроения. Такой поступок чрезвычайно напоминает действия китайских императоров, которые в ситуации военной слабости отсылали своих дочерей от наложниц в качестве жён к *сюнну* и другим потенциально опасным соседям-скотоводам для заключения «договора мира и родства». И точно так же, как когда-то ханьские «Сыны Неба», пользуясь родственными связями и опытом в дипломатии, Михаил и его сын Андроник извлекали для себя пользу из соседства с ильханами. Последующий переход монгольской элиты на Ближнем Востоке в ислам несколько отдалил таковую от Константинополя, но не стал катастрофой для Восточной Римской империи. Более того, как мы видим, она на целый век пережила государство потомков Чингисхана в Передней Азии. Гораздо более зависимой от ильханов была Трапезундская империя Комнинов, что неудивительно в связи с ее более восточным расположением и меньшими силами. Но даже ей удалось сохранить фактическую независимость при условии уплаты дани и просуществовать до 1461 г.

Как мы видим, две средневековые империи, одна на востоке, другая на западе Азии, исповадавшие совершенно различные религиозно-философские учения, весьма сходным образом действовали в условиях столкновения с кочевым миром. Не в силах подчас победить на поле битвы, ромеи и китайцы опирались на те методы воздействия (торговлю, дипломатию, культуру), в которых традиционно превосходили соседей. Нестабильность кочевых форм госу-

¹ Gordy J. Nestorian «merchant missionaries» – A model for Christian Chinese migrants. In die Skriflig 49 (1). DOI 10.4102/ids.v49i1.1882

² Hughes G. Why did the Church of the East in China disappear? Oriental Institute, University of Oxford. November, 16, 2016. URL: <http://users.ox.ac.uk/~wolf2305/documents/china.pdf> (дата обращения 12.08.2019).

дарственности способствовала успеху «старых» земледельческих цивилизаций, которые были способны «переждать» усиления кочевников на 50–100 лет, за которыми неизбежно следовала «великая замятня». Также важен тот факт, что Китай и Империя Ромеев были многонациональными державами, в которых на первом месте стояла не национальная принадлежность, а государственная идеология (в религиозной православной или философской конфуцианской форме). Это позволяло довольно эффективно инкорпорировать выходцев из других, в том числе скотоводческих, народов в структуру государства. Наличие подобных «инструментов», несмотря на кажущуюся их эфемерность, как мы видим, позволило ромеям и ханьцам куда легче переносить удары из степи (вспомним, что Китай и Восточная Римская империя к моменту нашествия монголов также были раздроблены и переживали не лучшие времена). Разумеется, выводы настоящей работы достаточно дискуссионны, и авторы, вводя всё новые археологические источники, будут продолжать исследования в рамках избранной проблематики.

Список литературы

- Баярсайхан Д.** Монгол-византийн олон талт харилцаа (XIII–XIV зуун) // *Historia Mongolarum*. 2013. № 396 (34). С. 33–48.
- Комиссаров С. А., Харрис Д., Васенькин В. В.** Столкновение Римской и Ханьской империй (в контексте военной истории) // *Россия и Восток. Археология и этническая история: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия»* / Гл. ред. Н. А. Томилов. Омск: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 26–27.
- Шульга Д. П., Мерзликин А. А.** «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147 с.
- Cheng Linquan, Zhang Xiangyu.** Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. *Chinese Archaeology*, 2008, vol. 9, p. 23–38.
- Vrhovski J.** Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China. *Asian Studies*, 2013, vol. 1, no. 2, p. 53–70.
- Гань Чжэньюй.** Чжунго цзиннэй сюнну муцзан яньцзю чутань [干振瑜。中国境内匈奴墓葬研究初探]. Первичное исследование погребений сюнну в пределах Китая // *Чифэн сюэюань сюэбао*. 2015. № 2. С. 14–17. (на кит. яз.)
- Го Юньянь.** Лунь Мэнгуго Баяньноэр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征]. Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // *Цаюань вэньу*. 2016. № 1. С. 115–123. (на кит. яз.)
- Го Юньянь.** Цайлунь чжунгофасяньдэ люэмэй Байчжаньтин чжунци цзиньби [郭云艳。再论中国发现的六枚拜占庭中期金币]. Еще раз о шести золотых средневековых византийских монетах в Китае // *China Numismatics*. 2015. № 1. С. 53–59. (на кит. яз.)
- Тан Цзинцзе, Хань Кансинь.** Чжунгобэйфан цзигэ гудай миьцзудэ тичжэн лэйсин хэ чжунцзу шусин [谭婧泽, 韩康信。中国北方几个古代民族的体征类型和种族属性]. Общие признаки и принадлежность нескольких древних этносов в северном Китае // *Сяндай жэньлэйсюэ тунсюнь*. 2007. № 1. С. 58–66. (на кит. яз.)
- Цзя И.** Цзя И цзи [贾谊。贾谊集]. Собрание трудов Цзя И. Шанхай: Жэньмин чубаньшэ, 1976. 296 с. (на кит. яз.)
- Цзян Лу.** Бэйфан дицюй «нань сюнну» муцзан цзай таньтао [蒋璐。北方地区«南匈奴»墓葬再探讨]. Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном Китае // *Бяньцзян каогу яньцзю*. 2011. № 1. С. 244–253. (на кит. яз.)
- Ян Гуаньхуа.** Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报]. Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // *Вэньу*. 2016. № 7. С. 4–14. (на кит. яз.)

- Ян Гунлэ.** Сычоу сисяо даочжи Лома диго цзинци шуайло шо юаньлю бяньси [杨共乐。丝绸之路导致罗马帝国经济衰落说源流辨析]. Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шёлковому пути и упадком Римской империи // *Collected Papers of History Studies*. 2011. № 1. С. 69–74. (на кит. яз.)
- Янь Шэнго.** Ханьчао чжаосян сюнну цэлюэ шу лунь [阎盛国。汉朝招降匈奴策略述论]. Краткое изложение стратегий династии Хань по склонению сюнну к капитуляции // Цзюньши лиши яньцзю. 2004. № 2. С. 148–154. (на кит. яз.)

References

- Bayarsaikhan D.** Mongol-Byzantine Multilateral Relations (the 13th-14th century). *Historia Mongolarum*, 2013, no. 396 (34), p. 33–48. (in Mong.)
- Komissarov S. A., Harris D., Vasenkin V. V.** The clash of the Roman and Han empires (in military history context). In: *Russia and the East. Archeology and Ethnic History: Proceedings of the IV International Scientific Conference "Russia and the East: Problems of Interaction"*. Ed. by N. A. Tomilov. Omsk, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1997, p. 26–27. (in Russ.)
- Shulga D. P., Merzlikin A. A.** Zhuge Liang's "Jiang Yuan" ("The Vineyard of General"). Novosibirsk, Omega-print, 2016, 147 p. (in Russ.)
- Cheng Linquan, Zhang Xiangyu.** Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. *Chinese Archaeology*, 2008, vol. 9, p. 23–38.
- Vrhovski J.** Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China. *Asian Studies*, 2013, vol. 1, no. 2, p. 53–70.
- Gan Zhenyu.** Zhongguo jingnei xiongnu muzang yanjiu chutan чутань [干振瑜。中国境内匈奴墓葬研究初探]. *Preliminary Study of the Xiongnu Tombs in China. Chifen xueyuan xuebao [Journal of Chifeng Institute]*, 2015, no. 2, p. 14–17. (in Chin.)
- Guo Yunyan.** Lun Mengguguo bayannuoer tujue bihua musuo chujin yinbi de xingzhi tezheng [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征]. On the Forming Characteristics of Gold and Silver Coins in the Tomb of Murakami Mural in Mongolia. *Caoyuan wenwu [Steppe Cultural Relics]*, 2016, no. 1, p. 115–123. (in Chin.)
- Guo Yunyang.** Zailun zhongguo faxiande liumei baizhanting zhongqi jinbi [郭云艳。再论中国发现的六枚拜占庭中期金币]. Re-discussing the six Byzantine mid-term gold coins discovered in China. *China Numismatics*, 2015, No. 1, p. 53–59. (in Chin.)
- Tan Jingjie, Han Kangxin.** Zhongguo beifang jige gudai minzude tizheng leixing he zhongzu shuxing [谭婧泽, 韩康信。中国北方几个古代民族的体征类型和种族属性]. Signs and ethnicity of several ancient nationalities in the north. *Xiandai renleixue tongxun [Communication on contemporary anthropology]*, 2007, no. 1, p. 58–66. (in Chin.)
- Jia Yi.** Jia Yi ji [贾谊。贾谊集]. Anthology of Jia Yi. Shanghai, Renmin Publ., 1976, 296 p. (in Chin.)
- Jiang Lu.** Beifang diqu nan xiongnu muzang zai tantao [蒋璐。北方地区«南匈奴»墓葬再探讨]. Re-discussion on the Tombs of the Southern Xiongnu in the North. *Bianjiang kaogu yanjiu [Frontier Archaeological Research]*, 2011, no. 1, p. 244–253. (in Chin.)
- Yan Guanhua.** Luoyang Jianxi Hengshanlu beweimu fajue jianbao [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报]. Excavation Briefing of the Northern Wei Tomb of Hengshan Road, Luoyang. *Wenwu [Cultural Heritage]*, 2016, no. 7, p. 4–14. (in Chin.)
- Yang Gongle.** Sichou xixiao daozi luoma diguo jingji shuailuo shuo yuanliu bianxi [杨共乐。丝绸之路导致罗马帝国经济衰落说源流辨析]. Analysis of the Origin and Development of the Roman Empire's Economic Decline. *Collected Papers of History Studies*, 2011, no. 1, p. 69–74. (in Chin.)

Yan Shengguo. Hanchao zhaoxiang xiongnu celüe shu lun [阎盛国。汉朝招降匈奴策略述论]. On the Strategy of Recruiting the Xiongnu in the Han Dynasty. *Junshi lishi yanjiu* [Military History Research], 2004, no. 2, p. 148–154. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
19.08.2019*

Сведения об авторах

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия)
alkaddafa@gmail.com

Хаснулина Карина Артуровна, аспирант, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Красный проспект, 38, Новосибирск, 630099, Россия)
searchorient@gmail.com

Information about the Authors

Danil P. Shulga, Candidate of Science (History), senior lecturer, Chair of Humanitarian Foundations of Public Service of the Faculty of Politics and International Relations, Siberian institute of Management RANEPА (Siberian Institute of Management – the branch of RANEPА (6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)
alkaddafa@gmail.com

Karina A. Hasnulina, post-graduate student, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (38 Krasnyi Ave., Novosibirsk, 630099, Russian Federation)
searchorient@gmail.com